

Никита Соколов

Разноцветный лёд у истока Ганги

Может быть, и существует способ отдохнуть от трудов и забот праведных лучших, чем отправиться на пару недель в горы, но я этим сокровенным знанием, увы, не обладаю. Поэтому, как только выдалась возможность, я немедленно отправился в самые лучшие из всех гор – Гималаи. Целью моего путешествия была область на севере штата Уттаранчал Гархвал, которая влекла меня исключительно плотной концентрацией высоких вершин на единицу площади. Несколько десятков трёх-, четырёх-, пяти-, шести- и семитысячников расположены в непосредственной близости друг от друга, а над ними царит Нанда Деви, вторая из высочайших вершин Индии (7816 м). Как мне представлялось, это должно было выглядеть весьма впечатляюще. Кроме того, в южных Гималаях я уже был, и хотелось познакомиться и с северной частью великого горного массива.

Предвкушая новые приключения, хорошо экипированный, не стеснённый в средствах и несколько довольный собой, я радостно покинул сумасшедший Дели. Я отправился в мир живой сказки, где воздух и вода кристально чисты, где нет людей с их пустыми и глупыми разговорами, где тело с каждым днём становится всё здоровее, а разум – всё чище.

Рассказ о походе нужно начинать с Ришикеша – ведь всё, что было до Ришикеша, представляло собой передвижение из Дели на север по несколько приевшейся многолюдной и суматошной равнинной Индии, и здравый смысл просто отказывается считать этот этап частью похода в горы. Ришикеш, по всем своим характеристикам, является городом определённо равнинным, но, вместе с тем, обладает некоторыми замашками горного: жизнь здесь гораздо более размеренна, местность вокруг весьма холмиста, а на севере даже виднеются довольно

Никита Вячеславович Соколов – индолог, специалист Центра восточной литературы РГБ.

высокие вершины. Короче говоря, когда я приехал в Ришикеш – а было это глубокой ночью, – я сразу всеми фибрами души «почувствовал разницу» и понял, что ОНО начинается. Город этот прославлен как всемирная столица йоги и медитации, куда съезжаются туристы со всей планеты ради освоения этих традиционных индийских дисциплин. В окрестностях Ришикеша можно просто гулять по лесистым холмам, что само по себе уже здорово. Короче говоря, я люблю Ришикеш, но подробно рассказывать о нём не буду – этим более квалифицированно может заняться кто-нибудь другой, кому о школах йоги писать интереснее, чем о горных походах. Скажу только, что, по-моему, путешествие в северные Гималаи правильнее всего отсчитывать именно от Ришикеша.

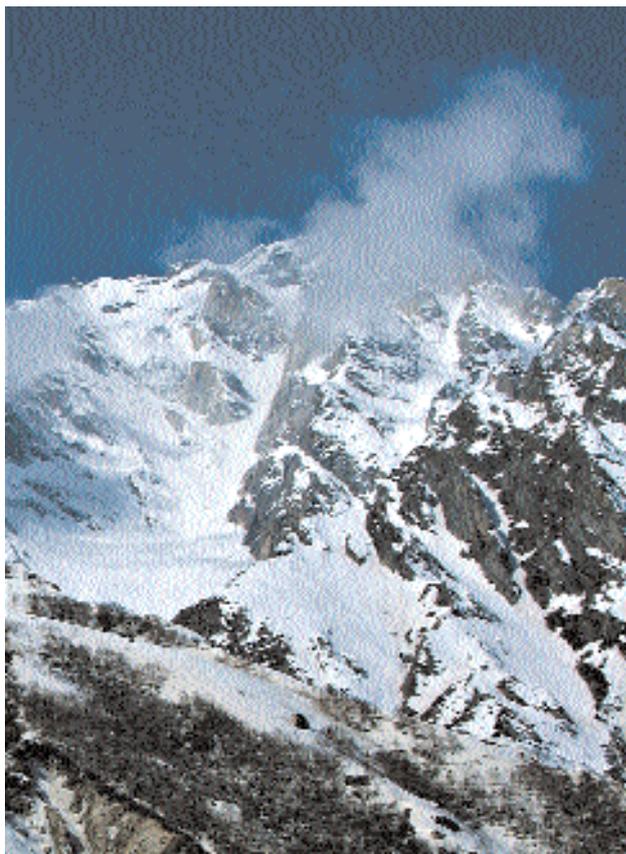
Гархвал славен, прежде всего, своими четырьмя святынями (*чар дхам*), привлекающими паломников-индусов и путешественников-иностранцев. Четыре святыни, считать с запада на восток, – это Ямунотри, исток реки Ямуны на высоте 4421 м; Ганготри, исток великой Ганги на высоте 3042 м (будем произносить название реки так же, как это делает местное население); храм Кедарнатх (3584 м), формально обозначающий исток реки Мандакини, но прежде всего место, где господь Шива, обернувшийся быком, потерял свой горб; храм Бадринатх, на склоне одноимённой горы (6558 м), посвящённый истоку реки Алакханда, основанный, согласно преданию, величайшим философом-ведантистом Шанкаррой в VIII в. Из этих четырёх направлений я ещё в Москве выбрал Ганготри, так как Ямунотри находится далеко от основных пиков, а Кедарнатх с Бадринатхом выглядят как места чересчур цивилизованные, с множеством отелей и торговых точек, которые, по сообще-

На втором этаже этого особняка мы жили в Дхарали.

нием справочников, сильно портят ландшафт. Кроме того, судя по тем же справочникам, Ганготри ещё не успели превратить в национальный парк, где у туристов вымогают деньги по поводу и без повода. (Последний аргумент, как выяснилось, оказался ошибочным: вездесущие власти успели-таки объявить место истока Ганги национальным парком и устроили там контрольно-пропускной пункт. Когда он работал, путешественники должны были платить за вход/наличие палатки/фотоаппарата довольно ощутимые суммы. Среди этих несчастных оказался и я, хотя дань удалось несколько облегчить благодаря освоенным мной за время пребывания в этой стране хитроумным приёмам.)

Сезон паломничества ведёт отсчёт с мая, когда включается в работу обслуживающая инфраструктура – от автобусов и джипов до многочисленных лавочек, торгующих атрибутами культа. Я поехал туда в середине апреля, когда местные жители приезжих особенно не ждут, и это создавало

некоторые сложности, вполне компенсируемые сезонной безлюдностью этих мест.

Следующим после Ришикеша пунктом стал Уттаркаши. Автобус до этого города в соответствии с индийскими обычаями шёл медленно, долго. Признаться, я был готов совершить своё путешествие в одиночку, но не имел ничего против, если бы у меня вдруг появилась компания. Так и случилось, причём было бы кошунством и святотатством не увидеть в этом направляющую и руководящую руку самого господина Шивы. В лице очаровательной израильянки по имени Яэль и весёлого австралийца Майкла я приобрёл не только надёжных и весёлых друзей, но и настоящих единомышленников. До встречи со мной Яэль и Майкл ехали в горы без всякой определённой цели, «куда кривая выведет». Мы поселились в соседних номерах гостиницы, и за ужином я произнёс пламенную речь, призвав новых друзей составить мне компанию в поисках истока великой реки, одно

название которой мгновенно настраивает любого индуса на возвышенный лад. Я говорил, что, находясь в непосредственной близости от этого места и не посетив его, они станут жалеть о своей роковой ошибке всю оставшуюся жизнь, а я буду корить и корить себя за то, что не смог их уговорить. В какой-то момент я почувствовал, что невидимый барьер преодолён.

Итак, мы отправились в дальнейший путь. Автобус из Уттаркаши должен был доставить нас в горное селение Дхарали. Ехали мы хоть и долго, зато уверенно – до того места, где дорогу преградил обвал, явление здесь нередкое. Дорожные рабочие уже начали ликвидировать его последствия, но было неясно, когда они расчищают путь. До Дхарали оставалось чуть меньше 20 км, и мы, посоветовавшись, приняли решение идти дальше пешком. Слава господину Шиве, что шагать пришлось всего часа два – наш автобус подобрал нас километров за десять до цели.

В Дхарали оказалось около десятка жилых домов, раза в три больше местных жителей и одна туристка – шведка, которая, по её словам, уже давно и счастливо проводила время в этом местечке. За небольшую сумму мы сняли на ночь настоящие хоромы! Мне кажется, что если и был какой-то момент, когда мы вдруг резко прониклись гималайским духом, то это была именно ночёвка в Дхарали. Здесь же я очень явно ощутил разницу между южными и северными Гималаями: в Сиккиме в январе, на высоте 4000 м, росла трава и благоухали цветы, а здесь, всего на 3000 м, в апреле лежал снег и было очень холодно.

Наутро мы позавтракали в местной харчевне, где упомянутая шведка пыталась доказать нам, что идти дальше было бы полным безумием: дорога завалена камнями

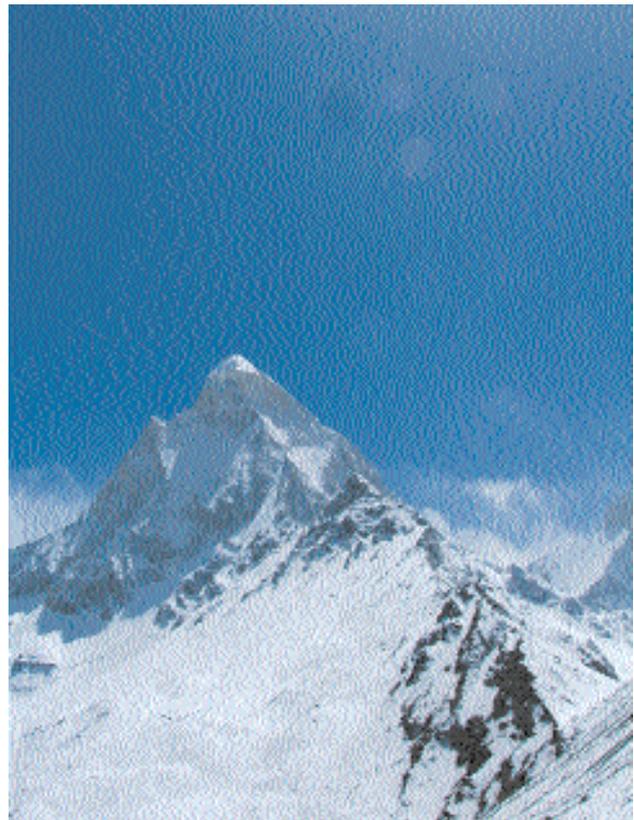
В ашраме большую часть времени приходилось проводить у печи.

и снегом, помощи ждать неоткуда, и нас, безусловно, поглотит стихия. Мои спутники смутились. Я же снова убедился, что одной из самых главных ошибок, подстерегающих путешественников в горах, является доверие к мнению европейцев. За долгие годы путешествий у меня сформировалось убеждение, что отличительными свойствами граждан Евросоюза являются исключительная осторожность и рациональность подхода к жизненным ситуациям. То есть, некоторые вещи, которые мы, обитатели Восточной Европы, попросту не замечаем, в глазах европейцев вырастают в роковые и непреодолимые проблемы. Разумеется, я не замедлил поделиться этими соображениями со своими спутниками и не без удовлетворения отметил их крепнущую решимость продолжить движение. Забегая вперед, отмечу, что опасения симпатичной шведской дамы в действительности оказались бумажным монстром, а я всё чаще и чаще (и не без гордости) замечал в пытливом взгляде своих спутников вопрос: «Что же это за страна такая – Россия?».

После завтрака местный владелец джипа за нешуточную по индийским меркам сумму сторговался довести нас до небольшого поселения Ганготри, где стоит очень уважаемый храм, посвящённый Ганге, откуда до действительного истока реки ещё около двадцати километров пешего хода. Как правило, индийские паломники хитрят и, дойдя до храма и отслужив там службу, искренне полагают, что дошли до истока Ганги. Мы же, будучи воспитанными в иной культуре, захотели «потрогать его своими руками». Отдав дань уважения местным традициям и ценностям, мы посетили упомянутый храм, который, как говорят, был построен по приказу победоносного непальского военачальника Амара Сингха Тхапы в XVIII в., и тронулись в дальнейший путь. В этот момент я по-настоящему ощутил себя как бы в своей тарелке – цивилизация с её магазинами, гостиницами, джипами и разного рода услугами осталась позади, мы вступили в царство Природы, её величества, высочества и превосходительства. Горная тропа, вершины, снег, тишина и Ганга, тактично напоминающая о себе внизу.

Очень-очень долго, несколько часов, мы шли молча, боясь нарушить охватившее нас блаженство. Нашей жизни никто не мешал. Мы шли, и были людьми, и были свободны. Только горные козлы, занятые своими козлиными, но, безусловно, очень важными делами, смотрели на нас

Кажется, что до вершины Шивлинга совсем близко, но на самом деле, только в высоту – полтора километра.

и могли бы сказать примерно так: «Проходите, проходите, жалкие человечки. Вы тут ненадолго, и вам пока хорошо, но вы уедете домой, а мы будем здесь наслаждаться жизнью всегда». Так мы и шли, и нам было хорошо.

Погода в Гималаях, особенно в северных, непредсказуема. Днём, когда светит солнце, можно вполне комфортно чувствовать себя в майке с короткими рукавами. Зато когда светило прячется в облаках, сразу хочется надеть что-нибудь шерстяное, а ночью и подавно укутываешься в лучших традициях русской зимы. После обеда повалил снег, и мы твёрдо решили остановиться на ночь в ашраме, в восьми километрах от истока Ганги. Майкл видел снег впервые в жизни, Яэль – во второй раз. Это было, когда она служила в армии: однажды в пустыне в южной части Палестины выпал снег на несколько часов.

Ашрам, где нас приютили, был вполне обычным для горной Индии. Монашеские поселения распределены здесь довольно равномерно, так что путешественник всегда может дойти от одного ашрама до другого за день пешего хода. В ашраме обитали очень симпатичные люди, которые предложили нам за весьма умеренную

плату ночлег в отдельной комнате (холодной, но с бесконечным числом подушек и матрасов!), одноразовое питание и чай в неограниченном количестве. Жизнь в ашраме была организована так: учреждение возглавлял Лал Баба, очень добрый и молчаливый бенгалец, которого все не только уважали, но и любили; был ещё человек, занимавшийся преимущественно хозяйственными делами: готовил обеды, подавал на стол и занимался финансовыми расчётами с постояльцами; кроме того, были люди, которые жили в ашраме некоторое время (от нескольких дней до нескольких месяцев) – их к работам не привлекали, а просто брали небольшую плату за проживание. Стол был крайне прост: рис, горох, лепёшки, чай. Для пополнения запасов провизии кто-нибудь из живущих в ашраме ходил с огромной авоськой в Ганготри, тратя обычно на поход два дня – день туда и день обратно. В течение дня каждый занимался чем хотел. А утром и вечером все собирались на богослужение, имевшее, как принято в Индии, форму пения гимнов богам.

В период с октября по апрель здесь очень холодно, особенно ночами, и народ обычно проводит время вокруг един-

ственной на весь ашрам печки. Приходящие паломники являются единственным источником информации о внешнем мире. Надо сказать, что по дороге из Ганготри в ашрам нам составил компанию один паломник из Махараштры, который уже некоторое время проживал в Ганготри и шёл к истоку Ганги, руководствуясь своими религиозными мотивами. Нам троим, независимо друг от друга, вспомнилась первая серия «Властелина колец» – там герои тоже двигались по заснеженным горам, а наш маратх так похож был на сказочного хоббита! Он был немного «не от мира сего», как и положено индуистскому паломнику. Так вот, первым вопросом, который задали этому маратху обитатели ашрама, был: «А играла ли за последнее время Индия с кем-нибудь в крикет?».

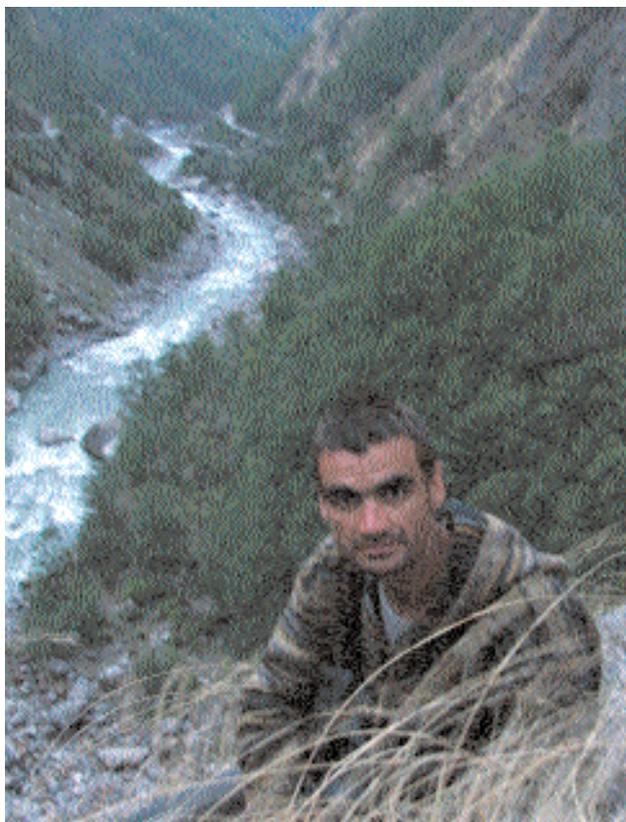
Снега за ночь намело несколько сантиметров, но утром мы были полны желания идти к цели. Маратх энергично убеждал нас идти вместе, мы засобирались, а когда были готовы, оказалось, что он ушёл. Такие уж они, паломники!

Нас это не смутило. Погода стояла отменная, и мы без проблем за пару часов достигли места, где великая река Ганга впервые появляется на поверхности земли. Те книги, что обещали нам одно из красивейших мест планеты, не подвели. Место называется Гаумукх («Лицо коровы»). Скала, откуда поток вырывался на поверхность, была покрыта льдом самых невообразимых расцветок. Было очевидно, что это не игра света, а результат присутствия солей, окрашивающих замёрзшую воду в жёлтый, голубой и серый цвета. Мы стояли очарованные. А опомнившись, решили заняться своими делами: я совершил омовение в ледяной воде реки, дно которой было совершенно заледеневшим, так что передвигаться пришлось на четвереньках, чтобы не поскользнуться, гибкая Яэль выполняла на лежащих в воде Ганги валунах сложные упражнения хатха-йоги, а Майкл фотографировал нас и курил душистые самокрутки. Наш спутник маратх, оказывается, уже давно сидел на берегу и под аккомпанемент кимвал пел в честь Ганги гимны. Я думаю, он предавался этому занятию уже много часов, но усталым не выглядел.

Настал час расставания – мои спутники должны были провести здесь, в Гаумукхе, ещё некоторое время, а потом возвратиться в ашрам, а мне предстояло попытаться продвинуться как можно выше, ближе к вершине Шивлинга, манившей своей несказанной красотой.

Внизу – Ганга.

В горах она чистая, прозрачная и быстрая.

Шивлинг (6540 м) является одним из самых трудных для восхождения гималайских шеститысячников. Ледяная четырёхгранная пирамида высотой несколько сотен метров венчала собой пик, отчего Шивлинг очень напоминает масонский знак, изображённый на американских долларах. Конус очень красив, он сверкает всеми цветами радуги, но из-за него восхождение на вершину затруднено. То есть, по моим ощущениям, до места, где находится основание конуса (около 6000 м), дойти было, в общем-то, несложно, а дальше...

Короче говоря, я вскарабкался на вершину скалы, откуда вытекала Ганга, и двинулся на юго-восток, вдоль бесконечного ледника Ганготри. Ледник представлял собой хаотичное нагромождение льда, снега, камней и водных озерцов, ступал по камням, стараясь не провалиться в мягкий снег, напоминавший по консистенции зыбучие пески. Так шёл я часа три или четыре. Шивлинг уже совсем нависал надо мной, и я решил сойти с ледника и залезть на гребень. Местные рассказывали, что от Гаумукха идёт довольно надёжная тропа до луга Тапован, что у подножия Шивлинга, но весенние камнепады и оползни, конечно, давно изничтожили эту дорожку, и я даже не стал утруждать себя её поисками.

В общем, я стал карабкаться на хребет. Уже в первые минуты случился камнепад – раздался ужасный грохот, и стало страшно. Пугает даже не столько угроза камнепада, сколько тот факт, что не видишь своими глазами, где он происходит. И не знаешь, что делать – прятаться, уворачиваться или вообще затихнуть и сидеть смиренно. Но вот устрашающий рокот затих, и я продолжил

восхождение. Тут со мной впервые случилось то, о чём я много читал, но сам никогда не испытывал. Во-первых, началась горная болезнь. Сильно заболела голова, были и другие, менее существенные симптомы. Во-вторых, изменилось ощущение времени и пространства. Я читал, что на критических высотах (более 4000 м) человек начинает по-другому воспринимать расстояние, цвета, ход времени и жизнь в целом. Когда я наметил гребень, на который собрался вскарабкаться, то поставил себе задачу затратить на это не более часа. Мне казалось, что я лез долго и мучительно, с частыми перерывами на отдых, еле переставляя ноги.

Когда я наконец залез на гребень, то думал, что опоздал и достоин позора, но оказалось, что предприятие заняло всего 20 минут. Я был потрясён, но в то же время и доволен. Совсем рядом мерцал потрясающий Шивлинг, внизу раскинулось покрытое снегом плато. Очевидно, это и был обещанный луг Тапован, где летом радуют глаз мириады цветов. Сходить вниз стало нелёгким испытанием. Дважды я провалился в снег по пояс, и оказалось, что из подобных ситуаций выбираться довольно затруднительно. Самым незаменимым предметом оказались солнцезащитные очки: когда я ради любопытства попробовал их снять, чтобы взглянуть на мир, так сказать, невооружённым глазом, мои органы зрения испытали сильнейшую боль от ослепительного блеска снега.

Наконец я спустился и окинул взглядом открывшуюся передо мной картину. В западной стороне виднелось какое-то строение, о существовании которого у меня

«Береги природу – мать твою!». Местный вариант всем известного призыва.

Обычное гималайское «капище».

сведений не было. Я пошёл к нему, и всего через каких-нибудь 400 или 500 метров пути обнаружил, что это вполне нормальное для проживания сооружение. Я выкрикнул английский эквивалент русской фразы «Есть ли тут кто-нибудь?». В ответ на это из-за угла строения появился человек, совершенно голый, несмотря на снег и холод. Увидев меня, он скрылся и вновь появился через минуту, одетый в банальный тренировочный костюм.

Себя этот человек назвал Silent Baba («Молчаливый святой»), хотя при мне он болтал безостановочно. Baba оказался очень деловым малым и сразу заявил, что ежели я хочу у него покушать или переночевать, то нет проблем – были бы хрустящие рупии. Я сказал, что я тут, собственно, ненадолго и мимоходом, что познакомиться было ужасно приятно, но нужно идти – дела и всё такое прочее. Но отшельник настаивал, чтобы я всё же перекусил. Тогда я согласился попить чайку (а меня и вправду жажда мучила), но Silent Baba сурово возразил, что тут, дескать, не ресторан, и он может предложить лишь простой водицы. Я пробормотал английский эквивалент русского «угу», и не в меру гостеприимный хозяин удалился.

Тем временем я осмотрел его хозяйство. Когда я увидел, на чём почтенный готовит свою трапезу, для меня наступил самый момент осесть в глубоком ступоре. Оказалось, что сие приспособление не является каким-то неприглядным костром или незатейливой печечкой. Молчаливый подвижник изволил приготовить себе обеды на

солнечной батарее, в полном соответствии с декларацией ООН об экологически чистых источниках энергии для XXI века! В центре зеркальной полусферы на крючочке был подвешен, так сказать, котелок обыкновенный, сфокусированными в кучку солнечными лучами подогреваемый. На всякий случай напоминаю: Гималаи, 4500 метров над уровнем моря, вокруг на многие вёрсты никого, до ближайшей электрической розетки километров 20 будет, а то и 30. В длину. И ещё по вертикали парочка.

Придя в себя после того, что этнографы, должно быть, называют культурным шоком, я был любезно призван отведать картофельных лепёшек. При ближайшем знакомстве они производили впечатлительные лакомства, ожидавшего моего прибытия долго и томительно. И я из вежливости съел их и запил стаканом воды, которая вкусом и запахом существенно отличалась почему-то не в лучшую сторону от московской водопроводной. Затем меня впервые за всё время моих поездок в Южную Азию заставили вымыть за собой посуду. Потом повели показывать местные достопримечательности. Оказалось, что в доме, где жил отшельник, снега по колёно, но я поймал себя на мысли, что здесь уже ничему не удивляюсь. В подвале дома был устроен алтарь Шивы, тоже заснеженный, где мой карман полегал на 50 рупий (видимо, расплата за угощение).

В конце концов, я стал собираться обратно. Silent Baba оказался очень доброжелательным советчиком: он подробно

рассказал, как пробираться по местному бездорожью и где какой стороны придерживаться. Я уже спускался по крутому склону, но ещё добрые полчаса до меня доносились пронзительные, но неразборчивые за дальностью расстояния советы «молчаливого святого».

Я вернулся в ашрам уже в темноте. Там встретили меня радостно, немедленно напоили чаем и принялись расспрашивать о походе. Яэль и Майкл слушали с интересом, а монахи – скептически: дескать, рассказывай сказки, до Тапована сейчас не дойти, но предъявленные фотографии убедили и их. В тот вечер я очень явственно ощутил, как здесь, за тридевять земель, растёт уважение к моей далёкой Родине, и это было весьма приятно.

Нужно заметить, что весь вечер и последующую ночь меня продолжала беспокоить и мешала нормально спать горная болезнь. Моих спутников чаша сия миновала, возможно, по причине более молодого возраста, и они поучаствовали в вечернем богослужении. Мне же оставалось только лёжа вдыхать дым благовоний и слушать вдохновенные гимны в честь хозяина Гималаев, великого господ Шивы.

Наутро от горной болезни не осталось и следа. Пора было собираться в обратный путь, а это всегда немного грустно. Поэтому и рассказывать про возвращение не очень

хочется. Скажу только, что наш друг из Махараштры пригласил нас к себе домой в Ганготри, где мы пили очень вкусный чай из лечебных трав. Ещё запомнилась ночёвка в курортном поселении Гангнани, где народ купается в бассейнах, наполненных целебной водой из сернистых источников, очень горячей. При этом мужчины погружаются в открытую воду, а женщины скрываются от посторонних глаз в огороженный четырьмя стенами бассейн под крышей.

В Гангнани мы расстались. Я спешил на обратный рейс, а мои спутники хотели остаться в горах ещё на пару дней. Я точно знал, что эти люди были посланы мне самой судьбой – ведь таких друзей не встретишь просто так, случайно. С ними было легко и весело, можно было непринуждённо беседовать на возвышенные темы или просто смотреть матчи по крикету. Мы постоянно покупали разные лакомства и угощали друг друга, вечерами я читал им лекции по индийской философии, Майкл рассказывал анекдоты, а Яэль играла нам на флейте. Я уезжал, наполненный приятными воспоминаниями и незабываемыми впечатлениями. И ещё – горячим, как гималайское солнце, желанием когда-нибудь вернуться сюда.

**Фото: Никита Соколов (Россия),
Яэль Авинатан (Израиль),
Майкл Фостер (Австралия).**

